

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. И. ТАНЕЕВА

Публикация Л. А. Евстигнеевой

Владимир Иванович *Танеев* (1840—1921), известный философ-социолог, литератор и «красный адвокат», выступавший защитником в политических процессах польских повстанцев и «нечаевцев», приятель в 1870-х годах Салтыкова-Щедрина, корреспондент К. Маркса, познакомился со Слепцовым в 1865 г. в Петербурге. Незадолго до этого Танеев вернулся из Франции, где изучал политическую экономию, историю французской революции 1789—1794 гг., а прежде всего системы утопического социализма, одним из запоздалых последователей которого он был. Слепцова живо интересовали эти вопросы. Организатор «коммун», только что прекратившей свое существование, он не мог не стремиться к знакомству с человеком, который сам несколько месяцев прожил в фаланстере Андре Годена, общался с Луи Бланом и другими социалистами Запада. Судя по сведениям, содержащимся в рукописи, которую мы печатаем, инициатива знакомства с Танеевым принадлежала Слепцову. При первой же встрече, которую им устроил их общий знакомый Наркевич, Слепцов обратился к Танееву с просьбой прочесть несколько лекций по политической экономии. Танеев не соглашался, для кого организовывал Слепцов эти лекции, а лишь указывает, что аудитория его в первый и во второй раз состояла почти исключительно из молодых женщин. По-видимому, лекции были устроены Слепцовым для какой-то женской демократической организации, которых было много в 1860-х годах.

Завязавшееся при этих обстоятельствах знакомство упрочилось. В заглавии публикуемой рукописи (указанием на нее мы обязаны С. А. Макашину) перед фамилией «Слепцов» Танеев поставил цифры «1865—1876». Это, несомненно, обозначение времени, в течение которого Танеев общался со Слепцовым. Несомненно также, что весь этот период и должен был быть отражен в воспоминаниях. Однако рассказ о встречах со Слепцовым доведен в рукописи до момента переезда Танеева из Петербурга в Москву, т. е., по-видимому, до 1872 г.¹ Отсюда мы вправе сделать вывод, что либо работа автора над рукописью не была завершена, либо продолжение ее утрачено. Для решения вопроса о датировке рукописи мы не располагаем документальными данными. Все же можно с уверенностью утверждать, что возникла она спустя много лет после смерти Слепцова. Об этом свидетельствует характер публикуемого документа.

В сущности, это не «воспоминание», а краткий биографический очерк, в котором использованы материалы личных впечатлений автора от встреч со Слепцовым. При этом в очерк введены такие факты из биографии Слепцова, обнаруженные автором при жизни автора «Трудного времени», разумеется, исключалось. К тому же, когда Танеев набрасывал этот очерк, он, очевидно, основывался лишь на своей памяти, не проверяя и не корректируя ее обращением к каким-либо объективным источникам. Отсюда ряд ошибок и неточностей в сообщаемых фактах из биографии Слепцова (главнейшие ошибки указаны в примечаниях к тексту). Поэтому пользоваться публикуемым мемуарно-биографическим наброском как источником сведений для летописи жизни Слепцова следует с осторожностью. Гораздо интереснее и важнее те общие оценки и характеристики, которые дает автору «Трудного времени» Танеев. Ведь эти оценки и характеристики исходят от одного из наиболее своеобразных и прогрессивных современников Слепцова, от человека, которого лично знал и ценил Карл Маркс, назвавший Танеева «преданным другом освобождения народа»².

Воспоминания Танеева позволяют высказать некоторые предположения о роли Слепцова в лагере революционной демократии во второй половине 60-х годов. В литературе много писали об энергичной общественной деятельности Слепцова в период «трудного» для демократов времени. Известно, что он хлопотал об организации всевозможных предприятий, дающих заработок нуждающимся женщинам, устраивал благотворительные литературно-музыкальные вечера, организовывал в «Знаменской коммуне» научно-популярные лекции. Однако мнения современников о характере и целях этих предприятий были различны. Многие видели в них филантропию или просто дань «модным» идеям. В действительности, как мы знаем теперь, все практические общественные начинания Слепцова определялись его мировоззрением революционного демократа и утопического социалиста и имели политический характер. К их числу относятся лекции, о которых пишет Танеев.

Они происходили не в «Знаменской коммуне», а на квартире у Слепцова и предназначались, видимо, для одной из женских демократических организаций. Следовательно, после самоликвидации «Знаменской коммуны», находившейся под негласным наблюдением полиции (о чем он знал), Слепцов не прекратил своей полуконспиративной общественной деятельности, а продолжал ее. Он организовал лекции с участием такого интересного человека, каким был Танеев, в будущем автор трактатов и других произведений, посвященных своеобразной разработке многих идей утопического социализма: «Теория грабежа», «Эйтихиология» (наука о счастье), «Коммунистические государства будущего» и др. Эти работы позволяют нам представить, каково было содержание лекций. Да и сам Танеев пишет, что во время одной из них вспыхнуло горячее обсуждение вопроса о положении народа при республиканском и при монархическом строе.

Танеев характеризует Слепцова как «решительного радикала, глубоко убежденного и в высшей степени способного направлять других». Он свидетельствует, что с 1864 по 1866 г. Слепцов «был одним из самых видных людей в Петербурге» и что в эти годы «остатки революционных элементов» увидели в «Трудном времени» «откровение», а в авторе повести — «пророка». «На него, — пишет Танеев, — возлагались молодежью огромные надежды».

Популярность Слепцова в демократических кругах русского общества после опубликования «Трудного времени» (1865), действительно, была очень велика. Это объясняется тем, что Слепцов затронул в повести вопрос, интересовавший многих: где искать настоящее «дело» в обстановке реакции после арестов Чернышевского, Обручева, Н. А. Серно-Соловьевича и других. «Трудное время» явилось прямым продолжением романа «Что делать?» и, пожалуй, только с этим произведением Чернышевского оно может сравниться по силе воздействия на русское общество шестидесятых годов. Рязанов, несомненно, родной брат Рахметова, но это уже герой «трудного» времени, когда в результате выяснившейся ошибочности расчетов на близость всеобщего крестьянского восстания после тяжелых ударов, нанесенных правительством и реакцией революционному центру, демократический лагерь переживал кризис. В новой обстановке по-новому вставал вопрос: «Что делать?». Ответы Чернышевского, сохранявшие, разумеется, все свое идейное могущество, уже не давали, однако, необходимой перспективы в непосредственно-практическом отношении. «Перемена декораций» отодвигалась на неопределенное время, устройство же бытовых коммун, как показал опыт лучшей из них — «Знаменской», — пока не оправдало себя.

Повесть «Трудное время», конечно, не давала ответов на все главные вопросы о практическом поведении демократов в новых условиях. Но для того исторического момента важно было и то, что вопросы эти были поставлены, притом открыто и резко.

В том же 1865 г. в статье «Скромные упражнения» Слепцов писал: «Судьба наша складывается таким образом: идем мы путем-дорогой и приходим к распутию; вот перед нами лежат три пути: направо — „узкая стезя добродетели“, налево — „тернистый путь беззакония“, посреди находятся „милосердия двери“, для всех равно отверзтые, двери, которыми мы можем вступить на „путь снисхождения“» (II, 336).

Художественную разработку этих мыслей Слепцов попытался осуществить в об-

разах и судьбах трех главных героев «Трудного времени» — Рязанова, Марии Николаевны и Щетинина.

Бывший демократ, а теперь либеральный помещик, Щетинин устремляется в широко развешенные «милосердия двери». «Путь снисхождения» приводит его к хищнической деятельности капитализирующегося хозяина, цель которого «овец завести, хлебом барышничать» и копить, копить, копить. Отсюда прямая дорога и на «стезю добродетели», т. е. к откровенно реакционному правому курсу. В повести Слепцова по этой стезе идет пока только письмоводитель Иван Степаныч, ретроград, но не исключено, что они с Щетининым окажутся вскоре в одном лагере. Понимая, что капитализм входит и уже вошел в русскую жизнь, Слепцов высмеивает модные в то время рассуждения либералов, например, В. П. Безобразова, о том, что «новое экономическое развитие страны» само по себе может улучшить положение народа. В ответ на уверения Щетинина, что он разбогатеет, а потом будет «благотетельствовать человечеству», так как деньги — это сила, Рязанов говорит: «Сила-то она, конечно, сила, да только вот что худо, — что пока ты приобретешь ее, так до тех пор ты так успеешь насолить человечеству, что после всех твоих богатств не хватит для того, чтоб расплатиться. Да, главное, что и расплачиваться будет как-то уж неловко: желание приобретать войдет в привычку, так что эти деньги *нужно будет уж силою отнимать у тебя*» (II, 158. — Подчеркнуто нами. — Л. Е.).

Реформы — не метод устранения глубокого несовершенства существующего порядка вещей; вступление страны на путь капиталистического развития неизменно приведет к появлению нового сильного врага, у которого рано или поздно, но придется отнимать власть и отнимать *силой* т. е. посредством революционного переворота.

Итак, путь Щетинина — это путь кулака-помещика. Естественно, он никоим образом не удовлетворяет Рязанова, избравшего «тернистый путь беззакония». Не удовлетворяет он и Марию Николаевну. Оба они стремятся к активной жизни, исполненной деятельного труда на пользу народа. Правда, стремятся они к этим, общим для них, целям по-разному. Мария Николаевна со всем пылом юности, со всей неопытностью и с романтически прекрасным, но наивным порывом *добиться всего сразу*, какими-то неясными для нее, но обязательно решительными и быстрыми мерами. Рязанов — умудренный тяжелым горьким опытом поражения революционного натиска начала 60-х годов, понявший, что нужны иные методы, нужна длительная кропотливая работа по собиранию новой армии освободительной борьбы. Слепцов, конечно, на стороне Рязанова. Не случайно, подчеркивает Танеев, в этом образе можно увидеть много автобиографических черт. И, конечно, то сходство Рязанова с Чернышевским, о котором так много писали в критике, объясняется прежде всего тем, что в образе Рязанова отразились типические черты демократа из лагеря Чернышевского, преданнейшим учеником которого был сам Слепцов.

Слепцов любовно, но с легкой иронией говорит о настойчивом стремлении Марии Николаевны изменить все сразу, побыстрее, чтобы не было больно смотреть на нищих мужиков, на баб, сгибающихся под непосильной работой в жгучий полдень, о ее вызывающее смелое, но все же детским желанием «переглядеть солнце». Ведь Рязанов уже убедился, что одной дерзостью грозное «солнце» не переглядишь. Поэтому он все время старается «приземлить» ее; когда она вдохновенно играет Марсельезу, Рязанов напоминает, что рядом-то «ходит фельдфебель и твердит: левой, правой, левой, правой...» (II, 118). В образе Марии Николаевны мы угадываем черты будущей народнической революционерки 70-х годов, подобной поэтическому образу Марианны в «Нови» Тургенева. Таким представляется Слепцову второй возможный путь демократа.

Рязанов (Слепцов) может восхищаться Марией Николаевной, но вместе с ней он не пойдет. Этим объясняется непонятый многими критиками финал повести и, в частности, разрыв интимных отношений героев. Мария Николаевна решает ехать в Петербург. Ей кажется, что там она сможет быть полезна, только там ей видится настоящее «дело» и люди, которые ей помогут.

« — Да, — в раздумье говорил Рязанов, — хорошие, хорошие люди... Да, были люди. Это правда.

— А теперь?

— И теперь, пожалуй, еще с пяток наберется» (II, 150).

Впрочем, он не отговаривает ее. Конечно, Петербург для нее выход к самостоятельной жизни, и там «мелкота», которая осталась после гибели вождей революционной демократии, приютит ее и даст «дело». Она, мелкота-то эта, «все дела справит и все эти артели заведет... на законном основании» (подчеркнуто нами. — Л. Е.). Многозначительно здесь это многоточие. Оно не просто означает раздумье Рязанова, а скрывает горькую усмешку автора: какая польза может быть в Петербурге 1865 г. от артелей, устроенных на «законном основании». Ведь сам Слепцов уже перепробовал множество «законных» мероприятий и убедился в их безрезультатности. Напомним, что за создание повести он взялся сразу же после того, как вынужден был ликвидировать «Знаменскую коммуну», спасая ее участников от нависшей над ними угрозы преследования органами политической полиции. Возможно, здесь звучит подспудная мысль Слепцова о необходимости создания новой, вполне конспиративной организации, но мысль о ней еще не совсем ясна самому автору. Пока у Рязанова есть только вера в успех революции («успех-то будет несомненно») и настойчивое стремление собирать силы для новых битв. Напомним, что Рязанов не просто отдыхает в деревне Щетинина. Для него этот отдых — перемирие с врагом перед новыми битвами. Уезжает же он вместе с дьячковым сыном, которого обратил в свою «веру» и, видимо, предназначил для роли одного из «рядовых» новой армии.

Рязанов уезжает не в Петербург. Он знает, что сейчас ему там делать нечего, и на вопрос Марии Николаевны, куда он едет, уклончиво отвечает: «Да это, смотря по тому как... вообще в разные места <...> Больше к югу». Уклончивость Рязанова объясняется, конечно, не тем, что он не хочет ответить на чувство Марии Николаевны к нему. Он, видимо, сам еще не знает, где и как будет начинать «новое дело», а Мария Николаевна с ее восторженно-наивным отношением к миру — плохая спутница в его бесприютной, неустроенной и опасной жизни. Поэтому приходится подавлять зародившееся чувство к ней. А главное, и он, и она отчетливо поняли, что им не по дороге. Об этом свидетельствует последний разговор Рязанова и Марии Николаевны, во время которого она признается, что все-таки не верит ему и хочет убедиться во всем на собственном опыте.

Итак, Рязанов уезжает «к югу»; должно быть, искать в деревне новые силы и новые формы для борьбы. Несколько лет спустя Слепцов устами Теребенева, героя другой своей повести «Хороший человек», выскажет ту же мысль: нужно ехать в деревню, «к печке» и «начинать все сначала» (см. об этом выше, на стр. 22). Правда, и тогда он не сможет ответить на вопрос о конкретных способах борьбы, но примечательны сами поиски этих способов. Так намечается третий путь, возможный для демократа; путь, который автору кажется наиболее приемлемым. Вывод Слепцова был подсказан самой жизнью и впоследствии повторился в спорах народников и марксистов о путях и методах революционной борьбы. Отметим еще присущую Слепцову оптимистическую уверенность в том, что «досадное положение», в котором оказались демократы после краха революционной ситуации начала 60-х годов, не будет длиться долго. Так, свою статью «Скромные упражнения», опубликованную в журнале «Современник» в 1865 г., он заканчивал предсказанием близкого революционного подъема: «А на развалинах этой погибающей жизни, среди безумного смеха и ярых проклятий, уже слышатся торопливые, но еще робкие шаги новой, давно ожидаемой жизни, с новыми <...> желаниями и новым запасом свежих, еще неизведанных сил» (II, 353). Вот почему, как пишет Танеев, «остатки революционных элементов» увидели в «Трудном времени» какое-то откровение, а в Слепцове — какого-то «пророка, который может разгадать всё».

Подспудный смысл повести поняли, конечно, не все, но на виду был разительный пример Марии Николаевны, бросившей всё и устремившейся в Петербург. И как после выхода в свет романа «Что делать?» в России стали образовываться всевозможные коммуны, так и после опубликования «Трудного времени» многие демократически настроенные женщины и девушки стали приезжать в Петербург с единственной целью: спросить у Слепцова, как они могут приспособиться к новой жизни. Об этом

~~Вот так, в таком же духе, и все остальное~~
~~Писатель должен быть не только талантлив, но и трудолюбив~~
Вот, например, как писал Пушкин:
«Я не умею писать, я не умею думать»
Вот так, в таком же духе, и все остальное

— Дарья, мой друг, давай — давай —
вспомни, как ты была когда-то
в Москве, в Москве, в Москве

— Вспомни, как ты была когда-то
в Москве, в Москве, в Москве

— Давай, мой друг, давай — давай —
вспомни, как ты была когда-то

— Не забудь, мой друг, давай — давай —
вспомни, как ты была когда-то

— Давай, мой друг, давай — давай —
вспомни, как ты была когда-то

— Давай, мой друг, давай — давай —
вспомни, как ты была когда-то

— Давай, мой друг, давай — давай —
вспомни, как ты была когда-то

«Вот так, в таком же духе, и все остальное»
Писатель должен быть не только талантлив, но и трудолюбив
Вот, например, как писал Пушкин:
«Я не умею писать, я не умею думать»
Вот так, в таком же духе, и все остальное

В. С. Соловьев

рассказывает не только Танеев. Е. Н. Водовозова, например, вспоминает, что к Слепцову приезжало за советом множество женщин со всех концов России, а еще больше просили ответа в письмах. Личность Слепцова была для демократической молодежи того времени своего рода символом «хорошего человека», т. е. революционера, а повесть «Трудное время» разрешала многие сомнения. Краткие, но очень весомые свидетельства Танеева об отношении к Слепцову и его «Трудному времени» «остатков революционных элементов» наталкивают исследователя на необходимость дальнейшего изучения этого интересного вопроса.

Заслуживают внимания те высокие оценки, которые Танеев дает писательскому таланту Слепцова. Он признает его «высокое художественное дарование», заявляет, что он писал «отлично» и что «относительно формы» слепцовские рассказы и очерки не только «обличают действительное знание народного быта», но и «составляют ряд маленких, высокохудожественных, безукоризненных шедевров»³.

Интересны для биографии Слепцова и некоторые танеевские характеристики отдельных сторон личности писателя. Биографические сведения о Слепцове в нашей литературе немногочисленны, часто противоречивы, а то и прямо противоположны друг другу. Его идейные враги, Лесков и Крестовский, изображают Слепцова лживым и нечестным человеком. Е. Н. Водовозова и А. Я. Панаева, напротив, рисуют обаятельный образ мягкого, благородного человека, всегда готового прийти на помощь ближнему, чуткого, скромного и отзывчивого. В воспоминаниях Е. И. Жуковской и А. М. Скабичевского он выведен глуповатым фантазером и эгоистом; Николай Успенский пишет о нем, как о салонном ловеласе, а В. В. Стасов считает его подлинно великодушным по отношению к женщинам, их настоящим другом и руководителем. Характеристика Танеева глубоко сочувственна Слепцову. «Он был очень умен, — пишет Танеев, — и много думал, видел, наблюдал. Результаты его мыслей и наблюдений были всегда интересны». Сочувственные строки объясняются не только личной симпатией, но и совпадением идейных позиций Слепцова и Танеева по многим коренным вопросам эпохи. В частности, общими точками соприкосновения обоих были ненависть к либерализму и интерес к деятельности I Интернационала.

Танеев был бескомпромиссным противником «царского режима, крепостнических пережитков, всего эксплуататорского строя»⁴. В своей автобиографии Танеев высказывает мысль о том, что даже «добрые» и благожелательные помещики выполняют в обществе отрицательную классовую роль, так как живут за счет ограбления крестьянских масс. Сравним с этим рассуждением Танеева те страницы повести «Трудное время», где язвительно разоблачается попытка Щетинина быть добреньким, оставаясь помещиком. Всякий помещик — классовый враг крестьянина, поэтому Слепцов выступает за максимальное обострение противоречий и не признает никаких «полюбовных соглашений».

Интерес к рабочему вопросу тоже объединял Слепцова и Танеева. Он возник у Слепцова после 1866 г. и, может быть, даже вызван был именно рассказами Танеева, впоследствии автора очерка «Международное товарищество рабочих» (написан в 1871 г.; попытка Салтыкова-Щедрина напечатать в «Отечественных записках» этот очерк истории I Интернационала и Парижской Коммуны потерпела неудачу вследствие цензурных трудностей). Как уже указывалось выше, Слепцов принадлежал к той части русского общества, которая сочувственно следила за деятельностью I Интернационала, усматривая в развертывании рабочего движения один из возможных выходов из кризиса. Характерно, что вскоре после знакомства с Танеевым в романе «Хороший человек» Слепцов высказал следующее убеждение: «Теперь уж нет других героев, нет больше драмы, кроме этой, и герой этой драмы — *работник*» (II, 361. Подчеркнуто нами. — Л. Е.).

Однако Танеев в своих работах никогда не выходил за пределы идеологии утопического социализма до-марксова периода. Слепцов же после неудачи «Знаменской коммуны» начал относиться к идеям утопического социализма более критично. Известно, например, что он не разделял даже некоторых взглядов Чернышевского, видевшего в крестьянской общине зародыш социалистического строя (см. повесть «Трудное время» и рассказ «Ночлег»), и подчеркивал, что община тоже является средством угнетения народа.

Общий тон статьи Танеева о Слепцове глубоко уважительный. Это тем более примечательно, что, как показал в своей характеристике Танеева С. А. Макашин, он редко о ком в своих воспоминаниях отзывался положительно. «У Танеева талант раздражать людей, — писала о нем хорошо знавшая его Р. М. Хин. — Он точно взял себе привилегию говорить человеку в лицо неприятности и щекотливые вещи»⁵. Эта манера общения с людьми была перенесена и в воспоминания о них. Тем более, повторяем, примечателен глубоко сочувственный Слепцову общий тон мемуарного наброска Танеева.

Однако присущее Танееву пристрастие к односторонним обобщениям и часто парадоксальным выводам сказалось в оценке некоторых сторон личности и деятельности Слепцова.

Прежде всего это выразилось в утверждении Танеева, что Слепцовская коммуна, вероятно, была создана «просто потому, что вместе жить выгоднее, чем порознь». В литературе уже установлено, что «Знаменская коммуна» образовалась как предприятие социалистическое, подобное фаланстеру Фурье или коммуне Чернышевского. Идеи утопического социализма очень занимали Слепцова в ту пору. Об этом свидетельствует, например, конспект сочинений Фурье, найденный в бумагах Слепцова К. И. Чуковским, а также опубликованная выше вторая часть «Петербургских заметок», где Слепцов горячо одобряет стремление демократов к далекой, прекрасной цели — обществу будущего. Именно эту цель частично стремился осуществить Слепцов в своей коммуне. «Даже Лесков, враг Слепцова, изобразивший его в язвительном пасквиле, — пишет К. И. Чуковский, — и тот принужден был отметить социалистические тенденции Слепцовской коммуны»⁶. И даже В. В. Крестовский в антиинициалистическом романе «Панургово стадо» признавался, что обитателей коммуны часто объединяли не совсем обычные интересы. Он рассказывает, как в коммуне обсуждали вопрос об организации восстания в Сибири и искали способов переправлять в Россию революционные прокламации. Поэтому попытка Танеева представить коммуну просто «меблированными комнатами с общим столом» не соответствует исторической правде.

Не соответствует истине и утверждение Танеева, будто бы членом «Знаменской коммуны» был Лесков (Стебницкий). В действительности Лесков лишь несколько раз посетил коммуну, которую потом «со злобою изобразил» в романе «Некуда».

Требуют пояснения слова Танеева о малой образованности Слепцова. Эту версию постоянно использовали в своих нападках на писателя его идейные враги. Тот же Лесков в романе «Некуда», изображая Слепцова под именем Белоярцева, пишет: «Впрочем, Белоярцев тем и отличался, что никогда не вмешивался ни в какой разговор, ни в какой серьезный спор, вечно отходя от них своим художественным направлением. Он с мужчинами или сквернословил, или пил, и только иногда развязывал язык с женщинами, да и то там, где над его словами не предвиделось серьезного контроля»⁷. Крестовский рисует Слепцова в образе Ардальона Полоярова безграмотным невеждой, который не знает Данте и Гомера, не уважает Пушкина и Лермонтова.

Таковы заявления идейных противников Слепцова. А вот свидетельства его друзей и единомышленников. «Слепцов был человеком разносторонних знаний и разносторонних способностей, — пишет Е. Н. Водовозова. — Он прекрасно знал французский, немецкий, латинский языки»⁸. Авдотья Панаева вспоминает, как литератор Слепцов читал публичную лекцию о составе воды и о «применении ее силы к механике»⁹. Правда, Слепцов не любил высказывать своих мнений в большом обществе, да и обычно говорил очень сдержанно. Но это происходило не от недостаточного знания предмета, а просто от нелюбви к пустым ораторским упражнениям. «Словесностью» неприятно называл Слепцов досужие рассуждения по «поводу сложных явлений и жизненных проблем, разрешать которые следует не во время журфиксов, а в серьезных трактатах научных и литературных»¹⁰. «В малознакомом обществе Слепцов был молчалив и только в самом коротком кружке был разговорчив и очень остроумен. Он вообще не выставлял шумливо своих взглядов на вещи», — пишет Панаева¹¹.

Возможно, что последнее обстоятельство и сыграло некоторую роль в формировании у Танеева мнения о малой образованности Слепцова. Но главное, надо думать, заключалось тут в другом. С точки зрения Танеева, фанатично преданного идеям

утопического социализма, только изучение трудов, относившихся к этому кругу, в первую очередь произведений Сен-Симона и Фурье, Кабе и Луи Блана, а также Годена, свидетельствовало о подлинной образованности и широте интеллектуальных интересов. Следует при этом иметь в виду и действительную разницу в уровнях образования Слепцова и Танеева, который уже с четырех лет занимался несколькими иностранными языками, музыкой, а с шестнадцати лет — самостоятельно изучал социальные науки и прочитывал в месяц до 15—20 книг.

Но и Танеев признается, что Слепцова считали человеком «основательным, глубокомысленным» и серьезным, очень убежденным «и в высшей степени способным направлять других». Это признание совершенно согласуется с воспоминаниями большинства современников.

«Несмотря на свою сдержанность и внешнюю холодность, — пишет Е. Н. Водозова, — Слепцов был человеком с чутким сердцем и великодушным характером, с мятежною душою, вечно ищущей, с живою общественною жилкою»¹².

Заслуживают внимания некоторые новые сведения о жизни Слепцова, сообщаемые Танеевым. Так, говоря о творчестве писателя после 1866 г., он упоминает о плане новой комедии, составленном Слепцовым. Оказывается, сюжет комедии был остро социальным. Слепцов намеревался изобразить артель, которую создают рабочие, ушедшие от хозяина-портного. Следы работы над этой комедией сохранились в бумагах Слепцова¹³.

Как утверждает Танеев, Слепцов опубликовал первый акт этой комедии в «Отчественных записках», но следующих актов не написал. Вопреки этому утверждению оказалось, что ни одного акта комедии не было напечатано, однако намерение Слепцова изобразить коммуны, созданную среди рабочих, говорит само за себя.

Интересны некоторые, сообщаемые Танеевым, подробности жизни Слепцова, в частности факт знакомства Слепцова с В. А. Иностранцевой, активной участницей женского движения 60-х годов. Члены известного общества «издательниц» были тесно связаны в своей работе с переплетной артелью В. А. Иностранцевой и постоянно отдавали книги в переплет только этой артели. В воспоминаниях В. В. Стасова мы читаем: «Молодая и красивая особа Варвара Александровна Иностранцева <...> проникнутая идеею „женского труда“, самопомощи и „артели“, еще ранее издательской артели устроила переплетную артель и стояла довольно долго в ее главе, бодро, умело, энергично»¹⁴.

Любопытно, наконец, упоминание Танеева о близком знакомстве Слепцова с И. И. Иванюковым, экономистом, профессором Московского университета. Все это делает воспоминания Танеева ценным звеном в мемуарной литературе о Слепцове. К тому же воспоминания дают материал к характеристике эпохи и глубоко своеобразной личности самого их автора, В. И. Танеева, произведения которого лишь недавно стали известны читателю.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В своих воспоминаниях «Русский писатель М. Е. Салтыков (Езоп)» Танеев сообщает, что переехал в Москву «вскоре» после рождения у Салтыкова сына Кости (который родился 1 февраля 1872 г.). — М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников». Предисловие, подготовка текста и комментарии С. А. Макашина. М., 1957, стр. 572.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26. М., 1935, стр. 445.

³ Интересно высказывание В. И. Танеева о Слепцове-писателе, зафиксированное в дневнике П. И. Чайковского 13 февраля 1886 г.: «...жара невыносимая и в довершение всех бедствий невыносимый В. И. Танеев. После Подсолнечной» разговор с ним о литературе. По его мнению, Толстой бездарность, но зато какой-то Слепцов гений. Скрытое полное мое бешенство...» (Дневник П. И. Чайковского. 1873—1891. М.—Пг., 1923, стр. 36—37).

⁴ М. П. Васькин. В. И. Танеев. — В кн.: В. И. Танеев. Детство. Юность. Мысли о будущем». М., 1959, стр. 6.

⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», стр. 558.

⁶ К. И. Чуковский. История Слепцовской коммуны. — В. А. Слепцов. Сочинения в двух томах. М., 1932, т. I, стр. 560—561.

⁷ Н. С. Лесков. Собр. соч., т. III. М., 1956, стр. 336.

⁸ Е. Н. Водовозова. В. А. Слепцов. — «Голос минувшего», 1915, № 12, стр. 110—111.

⁹ А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1956, стр. 329.

¹⁰ Е. Н. Водовозова. Указ. соч., стр. 112.

¹¹ А. Я. Панаева. Указ. соч., стр. 328.

¹² Е. Н. Водовозова. Указ. соч., стр. 108.

¹³ Приводим отрывок комедии по автографу ИРЛИ (Р. III, оп. 1, № 1926):

А л е к с е й И в а н о в и ч (поет): Ты зачем, зачем, мальчишка,
Своей родины бежал

Кто нитки схватил? Кто у меня нитки схватил! Петька, это ты? Сказывай скорее. Сейчас голову оторву!

П е т ь к а. На что мне их. Да вон они валяются.

А л е к с е й И в а н о в и ч. Подай сюда! Ах, ты подлая тварь!

П е т ь к а. Что ж вы ругаетесь-то занапрасно.

А л е к с е й И в а н о в и ч. Разговаривай! Я те дам занапрасно. Паршивый чёрт! Ступай утюг тащи да проворней поворачивайся!

П е т ь к а. Как скоро, так сейчас!

А л е к с е й И в а н о в и ч. Вот ты у меня поворчи еще!

П е т ь к а. Поворчу!

А л е к с е й И в а н о в и ч. Что?!

П е т ь к а. Ничего (*уходит*).

А л е к с е й И в а н о в и ч. Эка дрянь, мальчишка, как набаловался!

Никого ты не спросишь,

Кроме сердца, сердца...

Семен Петрович, вы хоть бы подвинулись от свету, как я тут стану разутюживать. Семен Петрович!

С е м е н П е т р о в и ч. Куда я подвинусь?

¹⁴ В. В. Стасов. Воспоминания о моей сестре. — «Книжки недели», 1896, № 5, стр. 186. — Слепцов упоминает об Иностранцевой в письме к Некрасову без даты (1868—1871 гг.) из Павловска («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 497).

1865—1876

СЛЕПЦОВ

Слепцов родился в 1834 или 1835 году ¹. Он был сын помещика и воспитывался в Московском университете, на медицинском факультете. Это было в конце ² 50-х годов. Он вел обыкновенную студенческую жизнь того времени, гордился мундиром с синим воротником, проводил время в трактирах, играл постоянно на биллиарде. Он очень любил театр, играл на разных любительских сценах. Он был очень красив. Женщины его любили. Он, по его собственным словам, пробирался иногда по ночам в женские монастыри.

На одном из домашних спектаклей он познакомился с молодой девушкой, полюбил ее и женился ³. Через год она умерла.

Вскоре он женился на другой. Вторая жена его, молодая трепетная блондинка, была страстно в него влюблена. Но она скоро ему надоела. Он был избалован женщинами и чувствовал потребность постоянно менять их.

В то время проникли из Петербурга в Москву новые, свежие, добрые идеи. Они поразили Слепцова. Под влиянием этих идей и под влиянием московского славянофильства в нем явилось страстное желание сблизиться с русским народом, изучать его.

Он оставил университет, взял с собой маленький ручной багаж и отправился ходить пешком по Московской и Владимирской губерниям. Он ходил зиму и лето, останавливался в крестьянских избах, знакомился с крестьянами.

Плодом этого знакомства были его мелкие рассказы. Эти рассказы обличают действительное знание народного быта и, кроме того, высокое

художественное дарование. Относительно формы они составляют ряд маленких, высокохудожественных, безукоризненных шедевров.

Он начал печатать свои рассказы в «Русской речи» Евгений Тур⁴—обработавшись, удивился, что вдруг оказался писателем, понял себе цену и отправился в Петербург.

Тогда все, что было в России талантливого и доброго, группировалось вокруг Чернышевского в «Современнике». Слепцова уже там знали и сейчас же дали ему работу. Он принес Чернышевскому «Письма об Осташкове», которые сейчас же были напечатаны в «Современнике»⁵. Здесь же он поместил один за другим несколько мелких рассказов.

Слепцов никогда не имел большого образования. Поэтому он всегда побаивался образованных людей. Он говорил много и охотно только в обществе женщин или в обществе близко знакомых ему людей. В незнакомом обществе или в обществе людей, которые отличались образованием или питали к нему маленькую неприязнь, он упорно молчал.

Он прочел, может быть, 5—6 серьезных книг в своей жизни и не имел никакого образования. Поэтому он постоянно боялся, чтоб его необразование как-нибудь не обнаружилось.

Но когда он говорил, он говорил хорошо, просто, убедительно, остроумно.

Он был очень умен и много думал, видел, наблюдал. Результаты его мыслей и наблюдений были всегда интересны.

До 1864 г. у него была самая лучшая репутация. Он был членом редакции «Современника»⁶, постоянно молчал в собраниях редакции, скромно делал свое дело, т. е. писал, и писал отлично.

На него смотрели как на основательного, глубокомысленного молодого человека, решительного радикала, глубоко убежденного и в высшей степени способного направлять других.

С 1864 г. его репутация несколько изменилась. Про него стали уже говорить, что в нем нет ничего особенного. Но все-таки с 1864 по 1866 г. он был одним из самых видных людей в Петербурге. Тогда была мода на литературные чтения в пользу бедных, в пользу ссыльных. Ни одно из этих чтений не обходилось без Слепцова. Он читал свои собственные рассказы, и читал их мастерски. Трудно себе представить что-нибудь лучше его чтения: простота, изящество, одушевление, умение подражать голосу женщин и притом без всякой театральности, без всякой аффектации. Если в чтении участвовал Слепцов, можно было заранее наверное сказать, что все билеты будут проданы.

Его успеху много содействовала его наружность. Умное, бледное, изящное, окаймленное прекрасными черными волосами и черной бородой лицо. Он производил поразительный эффект.

Женщины были от него без ума и просто толпами бежали его слушать и всячески старались заслужить его расположение, склонить его на любовь.

Когда Слепцов переехал из Москвы в Петербург, за ним последовала его жена. Но он не обращал на нее никакого внимания. Она всячески старалась привлечь его к себе, ухаживала за ним всеми способами, кокетничала насколько могла. А она была прелестна. Ничто не помогало. Несколько раз она уезжала в Москву, несколько раз приезжала снова, и все напрасно. Они разошлись⁷. Ребенок их, дочь, оставалась у нее на руках.

Она поселилась с ребенком в Москве в родительском доме. За ней долго ухаживал какой-то богатый человек, который был ей противен⁸. Но мало-помалу она к нему привыкла. Он победил ее постоянством, подарками. Позже в Москве мы несколько раз проезжали с Слепцовым мимо дома, где жила его жена. Он каждый раз показывал мне на этот дом.

В 1864 г. несколько молодых людей и молодых женщин наняли большую квартиру и стали жить вместе просто потому, что вместе жить выгод-

нее, чем порознь. В числе этих молодых людей были Слепцов и Стебницкий. Между женщинами была моя дальняя родственница, сестра моего товарища Коптева, глупого и злобно презирающего всякое стремление к равенству, всякую демократическую мысль⁹.

Эту общую квартиру стали называть в Петербурге коммуной.

Про коммуны — и особенно про Слепцова — стали ходить ужасные слухи. Говорили, что вся коммуна работала постоянно на него одного, а он ничего не делал, что другие носили воду, ставили самовар, исполняли обязанности прислуги, а он на их счет ничего не делал, разрешал споры, был главою общины и жил со всеми женщинами, которые составляли эту общину.

Слухи были совершенно неосновательны. Слепцов жил с одною из этих женщин, с самою безобразною, и когда его спрашивали, что это значит, выражали изумление, он говорил:

— Да ведь она глухая¹⁰ <...>

Что же касается до средств к существованию, то он, конечно, зарабатывал литературными трудами гораздо более, чем другие члены коммуны, — он был тогда в полной силе своего таланта.

Коммуна эта просуществовала очень недолго и разошлась.

Стебницкий со злобою изобразил ее в одной из своих повестей¹¹.

В 1866 г. была напечатана большая повесть Слепцова «Трудное время»¹².

Это лучшее его произведение и самое полное. Она так хорошо удалась ему потому, что в лице Рязанова он изобразил себя.

Манера Рязанова разговаривать — та же, что манера Слепцова с мало знакомыми людьми. Он постоянно как будто намекает на что-то отдаленное, ему одному знакомое, чего он в настоящую минуту не хочет объяснить, но что он может это объяснить впоследствии; что существуют такие вещи, которые знакомы только посвященным, и что он, Слепцов-Рязанов, один из таких посвященных и что он показывает так немного, немного открывает завесу, а там всякий догадывайся сам.

Молодежь, особенно женщины, были в восторге от «Трудного времени».

Тогда реакция началась. Те идеи, которые господствовали в конце 50-х и начале 60-х годов, утихли, уступили почти без боя. Все боялись, всё пошло назад.

Молодые люди, которые еще жили традициями конца 50-х и начала 60-х годов, не знали, что делать.

Остатки революционных элементов увидели в «Трудном времени» какое-то откровение, а в Слепцове — какого-то пророка, который может разъяснить всё.

Слепцов снова сделался одним из самых видных людей в Петербурге. На него возлагались молодежи огромные надежды.

В конце его повести героиня уезжает в Петербург.

Множество провинциальных дам бросили всё, поехали в Петербург прямо к Слепцову, спрашивать его: «Что нам делать?».

Он жил тогда на Владимирской, в доме Лихачева. У него были две комнаты: одна — большая, другая — маленькая. В большой — приемная и кабинет. В маленькой — спальня. Квартира была очень хорошо отделана. Каждая вещь была изящна. Артистическая натура сказывалась во всем.

Особенно все любовались парой высоких деревянных подсвечников, сделанных, кажется, самим Слепцовым, который всегда умел отлично точить из дерева.

В этой квартире вскоре после «Трудного времени» у Слепцова всегда сидело, как у доктора в приемной, 8—9 дам.

Каждая спрашивала у него, что ей делать. У одной было несогласие с мужем, у другой неприятности с родителями.

Один раз зашел к нему наш общий приятель Иванюков. Приемная была полна дамами. Слепцова не было. Иванюков думал, что в спальне сидит одна из этих дам и исповедуется, как у духовника. Он постучал в дверь спальни.

— Можно войти?

— Войдите, — отвечал каким-то отчаянно печальным голосом Слепцов. Иванюков вошел.

Слепцов был один. Он не был одет. В одном белье и в маленьком пиджаке он ходил взад и вперед по комнате с видом совершенного отчаяния и держал в руках свою голову.

— Что мне делать, что мне делать? Это каждый день. Ради бога, посидите у меня хоть немного. Пристают невыносимо. Одна с мужем не хочет жить, другая требует работы, третья просит указать ей, что делать. Сил моих нет.

В это время я познакомился с Слепцовым.

Он слышал, что я занимаюсь политической экономией, и просил Наркевича познакомить меня с ним. Мы сошлись в квартире Наркевича. Я приехал вместе с Буланиным <...>

Слепцов предложил мне прочесть несколько лекций по политической экономии в его квартире. Я согласился <...>

Через несколько дней я явился вечером к Слепцову.

Большая комната была ярко освещена. 20 или 30 молодых женщин меня ожидали. Между ними было несколько очень хороших. Слепцов казался совершенно счастлив.

Вторая лекция была назначена в доме одной из бывших тут девиц. Там было публики еще больше и было 3—4 мужчин, в том числе неизменный Буланин.

В конце своей лекции я сказал без всякой надобности, что народу в республике жить еще хуже, чем в монархии, и что для решительных общественных преобразований необходима сильная центральная власть.

Это было совершенно неожиданно для бывших тут девиц и мужчин. Меня осаждали вопросами. Я был утомлен и отвечал неохотно. Вдруг из числа бывших тут мужчин поднялась высокая худощавая фигура какого-то восточного человека и с жаром, страстью принялась защищать мое положение. Я спросил, что это такое. Мне сказали, что это доктор Малаксианов¹³ <...>

До «Трудного времени» включительно Слепцов зарабатывал много денег.

После «Трудного времени» он почти перестал писать.

Он составил было план комедии. План этот был следующий. Рабочие какого-то портного, большею частью горькие пьяницы, решаются оставить хозяина и составить артель. Потом они все перепились, и артель разошлась.

Слепцов написал один первый акт, который и был напечатан в «Отечественных записках», заменивших «Современник». Акт этот был вовсе еще не кончен, но очень хорош по своим бытовым подробностям.

Но следующих актов он не написал.

Написал он потом начало повести «Хороший человек», но так, что все удивились. Это был совсем не прежний Слепцов. Даже какой-то город, находящийся внутри материка, был назван приморским¹⁴.

Так повесть и осталась незаконченной.

Слепцов упал совершенно.

В редакции «Отечественных записок» ему уже никто не подавал руки¹⁵. Один Некрасов, который был всех умнее в этой редакции, старался его поддерживать. Он платил ему постоянно 75 р. в месяц, в надежде, что тот будет писать.

Но Слепцов ничего не писал. Иванюков вернулся тогда из Америки и стал готовиться к экзамену на магистра.

Он отыскал Слепцова.

Слепцов нанимал тогда две комнатки в Баяновском <?> переулке, у каких-то супругов, которые ненавидели друг друга, муж подозревал жену, что она хочет его убить, жена подозревала мужа, что он хочет ее убить. Они постоянно сидели вместе, злобно смотрели друг на друга и злобно друг друга упрекали.

У них была лишняя комната.

Иванюков ее нанял.

Слепцов вел жизнь совершенно уединенную. Он никуда решительно не ходил.

Он изобрел какую-то маленькую печку, которая была сделана по его рисунку.

Утром он ходил на рынок и до обеда готовил кушанье. Сейчас после обеда он ложился спать, а вечером приходила Иностранцева, и они ужинали вдвоем. Ужин был всегда один и тот же. Яйцы самые свежие по 80 к. десяток, каштаны и парижское масло, за которым он ходил на Большую Морскую и платил по 20 к. за фунт.

Кроме Иностранцевой, которая приходила каждый день, никто не ходил к Слепцову. Изредка заходил к ним Левитов, который напивался каждый раз до безобразия и начинал ругать Слепцова как только можно хуже.

Иванюков говорил, что Слепцов все это время был ему чрезвычайно симпатичен. У него было 1500 р. долгу. Это его мучило, и мучило, что его все считали за отчаянного циника, за погибшего человека, за мертвеца.

Потом Иванюков уехал в Варшаву. Слепцов вовсе не ходил ко мне. Я даже не знал, где он.

Наконец, я узнал от Малаксианова, что он живет на Мильонной в доме Каратыгина. Мы вместе отправились к нему. Мы поднялись по огромной лестнице на ужасную высоту.

Долго звонили. Нам не отворяли. Наконец Малаксианов постучал в двери два раза и сказал громко: «Друг».

Тогда дверь отворилась, и, бледный, всклокоченный, в одном белье явился на пороге Слепцов.

Он извинился, что не может нас впустить, и разговаривал с нами с $1\frac{1}{4}$ часа у двери.

Мы ушли.

Потом он бывал у меня несколько раз.

Положение его было самое плачевное.

— У меня ничего нет, — сказал он, — потому что я не пишу. А не пишу я потому, что у меня ничего нет. Мне нужна перемена мест, впечатлений — тогда я, может быть, буду, наверное буду писать. Если бы я мог достать себе место, которое бы обязывало меня разъезжать, я бы совсем поправился.

Один раз я обедал в Belle-vue вместе с ним и с доктором Петражицким.

Слепцов молчал. Ему хотелось сказать что-нибудь доктору, поговорить с ним до знакомства. Очевидно, он не знал, что придумать. Это его беспокоило, мучило.

Наконец, увы, он стал говорить наизусть сцену из своего рассказа о том, как доктор разговаривает с сиделкой.

Очевидно, что он больше ничего не мог извлечь из своей головы.

Я собирался тогда переезжать в Москву. Я хлопотал о том, чтобы доставить ему место агента по отчуждению земель на одной железной дороге. Это место дало бы ему возможность постоянно разъезжать.

Но я уехал из Петербурга, и дело почему-то не состоялось.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Слепцов родился в 1836 г.
- ² На медицинском факультете Слепцов учился в начале 1850-х годов.
- ³ Первой женой Слепцова была кордебалетная танцовщица Московского театра Екатерина Александровна Цуканова (ум. в 1857 г.). В 1858 г. Слепцов женился вторично на дочери тверского помещика, сестре известного адвоката, Елизавете Николаевне Языковой.
- ⁴ Первый очерк из цикла «Владимирка и Клязьма» был напечатан в «Московском вестнике» (1861, № 2), но Слепцов перепечатал его в «Русской речи», где затем появились и все остальные очерки.
- ⁵ Первое из «Писем об Осташкове» было опубликовано в «Современнике» в мае 1862 г.
- ⁶ В 1863—1865 гг. Слепцов неоднократно исполнял обязанности секретаря редакции «Современника».
- ⁷ Окончательный разрыв Слепцова с женой произошел осенью 1865 г.
- ⁸ Сверху Танеевым написано: «(наш Коптев)». *Коптев* — товарищ Танеева по Училищу правоведения.
- ⁹ «Знаменская коммуна» была организована в 1863 г. (см. о ней стр. 439—460 настоящего тома).
- ¹⁰ Речь идет о Маркеловой.
- ¹¹ Танеев имеет в виду роман «Некуда».
- ¹² «Трудное время» было опубликовано в 1865 г.
- ¹³ О Малаксианове см. стр. 473 настоящего тома.
- ¹⁴ Танеев здесь просто повторяет ходовые суждения [тогдашней критики, не сумевшей понять смысл произведения (см. об этом в статье о романе «Хороший человек», стр. 20 настоящего тома).
- ¹⁵ Это утверждение Танеева находится в полном несоответствии с действительностью.